

**МИХАИЛ
ГЕРШЕНЗОН**

СТЕПАН
ПЕТРОВИЧ
ПУТАНИЦА

Михаил Абрамович Гершензон Степан Петрович Путаница

Аннотация

«Степан Петрович – это наш преподаватель.

Настоящая фамилия его – Пуговицын. Мы прозвали его Путаницей, потому что он очень рассеянный человек...»

Содержание

Два охотника	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Михаил Гершензон

Степан Петрович Путаница

Два охотника

1

Степан Петрович – это наш преподаватель.

Настоящая фамилия его – Пуговицын. Мы прозвали его Путаницей, потому что он очень рассеянный человек.

В прошлом году Еремин встретил его на Моховой. Путаница шел в университет и по дороге читал газету. Правой ногой он шел по тротуару, а левой ногой – по мостовой. Он очень смешно хромал: рубль – двадцать, рубль – двадцать.

Еремин шел икнул его:

– Степан Петрович, что с вами?

Путаница остановился.

– Ах, это ты, Еремин! Не знаю, я охромел. У меня одна нога короче другой.

Еремин пришел в школу и рассказал, какая неприятность приключилась с Путаницей.

Сережка Парфенов махнул рукой.

– Это что, – сказал он, – третьего дня он отмочил штуку

почище. Мы с Ванькой ридалп. Степан Петрович ждал трамвая у остановки. А когда трамвай подошел, он вдруг снимает калоши. Так и уехал, а калоши остались на мостовой.

Мы Сережке поверили: от Путаницы всего можно ждать. И только Сережка кончил рассказывать, вбегает Крякшин и кричит:

– Ребята, бегите в уборную, Путаница моет руки колбасой.

Конечно, мы побежали в уборную. Путаница стоял у раковины и намыливал руки ломтиком московской колбасы. Мылил, мылил, потом плюнул:

– Тьфу, что за мыло такое! Срам один, какое низкое качество продукции!

2

Он преподает у нас обществоведение. И какой молодец! Как пойдет говорить, – волосы дыбом, глаза блестят, руками машет. Схватит кусок баранки и пишет ею, будто мелом, формулы на доске про прибавочную стоимость или что-нибудь другое. Потом вытащит из кармана платок, он всегда с доски платком стирает, и давай полировать доску, а доска и без того пустая. И все равно понятно, и никто не смеется, потому что очень ученый человек Путаница и всегда в самую точку бьет, – хочешь, не хочешь, а заслушаешься. Мы и не поправляем его, если он оговорится или ляпнет что-нибудь,

не в том дело, это всякий знает. Мы уже к этому привыкли. Ясное дело, когда человек в пяти местах лекции читает, здесь про одно, там про другое, а книги пишет про третье, можно и ошибиться.

– Это – мелочи жизни, – говорит Еремин. – А такого другого – поищи. Он тебе все, что захочет, из книг вывернет и перед глазами поставит, как привинченное. Такого другого больше нет и не будет.

Путаница – это наша главная гордость. Мы с Крякшей нарочно ходили в 64 школу послушать ихнего обществоведа. Куда! Далеко куцому до зайца.

А все-таки один раз было у нас дело. Так нас Путаница насмешил, так насмешил, – целую декаду мы потом хохотали. Как войдет в класс, – мы смеяться, и он смеяться. И главное – нисколько он в этом не был виноват. Тут кто не спутает? Тут Путаница не виноват.

3

Пришел он в тот день в ударе. Это по нему сразу видно. Сперва он долго молчал, ерошил волосы и смотрел насквозь. Он так всегда смотрит, если в ударе: уставится на тебя, а тебя не видит, будто ты стеклянный какой. Мы все уж знаем: если долго молчит, значит, не урок будет, а прямо кино. Даже свербит немножко: про что будет говорить. Говорить-то он должен был про японскую войну и про пятый год, это мы

знали. А вот как повернет, и с какого боку начнет крушить? Будто кайлом каким замахивается, любо смотреть на него, когда так вот молчит.

– Значит, ребята, – начал он вдруг и протянул руку к портфелю, – значит, ребята, сегодня мы будем говорить о последних феодалах. В старых учебниках много говорилось о феодалах. Там написано было, что в средние века феодальная система распространялась на всю Европу. Нас учили, что феодал – владелец земель и дворцов. Он – сюзерен, у него – свои вассалы. Они содержат его, платят ему подати, ходят с ним на войну. Феодалы устраивают турниры – поединки. Вот он едет, закованный в железные доспехи. Конь идет шагом. Это – тяжеловоз, битюг, как у наших ломовых. На бабках у него густые мохнатые щетки. Всадники сшибаются, это страшные люди. Копье ударяется в латы, – всадник падает с коня. Он лежит на земле, как железная кукла. Слуги поднимают его и сажают в седло... А вот феодал выезжает на охоту. Пять деревень подняты на ноги, – мужики гонят дичь. Какая охота! Десятки ланей, сотни тетеревов! Дым костров застилает небо. В тех учебниках, по которым учились мы, это было очень красиво. Замки, турниры, веселые своры псов... Теперь вы знаете, что такое феодализм. Вы знаете, что он был и у нас, вам видна обратная сторона медали. Вы знаете, как недавно мы разрушили в нашей стране остатки феодальной системы. Февраль и Октябрь смели их с лица земли. Красный Париж, как музейную редкость, хранит гербы и

доспехи опрокинутых феодалов. Мы победили в турнире.

Никто не поправил Степана Петровича: он говорил о Красной Москве, и никого не смутила его обмолвка. Мы ждали, о чем он будет говорить дальше.

Но Путаница замолчал. Что-то случилось с его портфелем. Он ни за что не хотел открыться.

Тогда я тихо встал и подошел к кафедре. Я протянул руку к портфелю, Путаница улыбнулся и закивал головой. Он понял, что я хочу помочь ему.

– Да, да, пожалуйста.

Он протянул мне портфель и отвернулся прежде, чем я успел его подхватить; портфель, как кулек с мукой, плюхнулся на пол, раскрылся, и из него вывалился сверток с грязным бельем (наверное, Степан Петрович пришел к нам прямо из бани); целый ворох листков, исписанных вдоль и поперек, рассыпался по полу. Путаница не заметил, как упал портфель, он говорил дальше. Я плохо слушал его, пока собирал листки. Мне хотелось сложить их по страницам, но третьих страниц попало две и четвертых две. Всех страниц было по две.

– Конечно, копии, – подумал я. – Это, верно, для книжки.

Пришлось подбирать сразу две пачки. Пропади ты пропадом! Когда я кончил возиться с листками, Путаница рассказывал уже о Николае. Я прохлопал очень важное – причины японской войны.

– Ничтожество этого последнего феодала необыкновенно

ясно видно из его дневников. Надо вам сказать, что Людовик XVI вел свои дневники с такой аккуратностью, которой мог бы позавидовать каждый бухгалтер. На протяжении многих лет всякое, даже самое мелкое, событие заносилось им в дневник; именины Александры Федоровны, прогулки по Финскому заливу, завтраки и парады – все решительно, до последних пустяков, нашло свое отражение в дневниках Людовика. Их остались от него груды – толстенные томы, тысячи страниц... Я сделал ряд выписок из его дневников...

Тут Путаница заерзал на стуле. Он посмотрел на меня, как на няньку, и я рад был, что могу уже дать ему подобранные по страницам листки.

5

– Спасибо, Гаврилов, – сказал Степан Петрович. – Итак, я прочту несколько записей, сделанных Людовиком в 1904 году. Вот первая: «28 марта. Светлое воскресенье. В церкви пришлось похристосоваться с 280. Разгавливались с удовольствием. Лег спать около 4 часов. Встали в 9. В 11 было большое христосованье – около 730 человек. Завтракал князь Орлов. Японцы оставили в покое наш флот в эту ночь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.